

Европейская война и нейтральная Швеція.

Въ русской печати, незадолго до начала европейской войны, оживленно обсуждался вопросъ о Швеціи и ея положеніи въ возможномъ международномъ конфликтѣ. Для Россіи этотъ вопросъ принималъ одно время тѣмъ болѣе злободневный характеръ, что правая часть шведской прессы представляла себѣ близкую вѣроятность непосредственнаго, изолированнаго конфликта съ Россіей, при чемъ послѣдней приписывались агрессивныя намѣренія съ цѣлью захвата на сѣверѣ незамерзающей гавани. Особенно настойчиво неизбежность такого конфликта и необходимость захвата гавани развивалъ въ рядѣ „предостерегающихъ“ брошюръ извѣстный путешественникъ и географъ Свенъ Гединъ. Извѣстно, что подъ шумъ этой агитаціи въ Швеціи прошло съ значительнымъ успѣхомъ поправѣніе риксдага, отпало министерство „соглашеній“ Штаафа и, какъ всегда бываетъ въ моменты кризиса, обострилось представительство крайнихъ теченій на политической платформѣ.

Все это происходило за какихъ-нибудь два-три мѣсяца до того, какъ разразилась катастрофа европейской войны, столкнувшей самыя крупныя государства Европы. Если до этого „оборона“ Швеціи была лозунгомъ въ борьбѣ соперничающихъ партій, безъ указанія опредѣленнаго времени для тревожнаго „memento“, то вслѣдъ за взрывомъ европейской войны она совершенно заполнила политическій горизонтъ страны, отбѣсивъ на задній планъ всѣ другіе вопросы.—„Вы упрекали насъ въ томъ,—говорили правые своимъ противникамъ,—что „оборона“ лишь козырь въ нашихъ рукахъ для того, чтобы свести счеты съ противниками,—ну, а теперь видите, вся Европа въ огнѣ, каждый день можно ждать опасности для Швеціи,—надо быть готовыми ко всему!“ Къ чему именно,—не говорилось, но, конечно, подразумевалось опять-таки нападеніе на Швецію.

Первые дни со времени объявленія войны Германіей шведское общественное мнѣніе колебалось, но уже черезъ три-четыре дня былъ официально провозглашенъ нейтралитетъ Швеціи въ европейскомъ конфлик-

тѣ. Недѣли черезъ двѣ этотъ нейтралитетъ былъ сугубо подчеркнутъ, и тонкіе политики предположили, что за этотъ промежутокъ времени произошло что-то за кулисами шведской дипломатіи. Считали возможнымъ, что Германія въ той или иной формѣ попросила содѣйствія Швеціи, и на это послѣдовалъ категорическій отказъ. Какъ разъ въ это время въ шведскихъ газетахъ упорно циркулировалъ слухъ о прибытіи въ Стокгольмъ какого-то „курьера“ отъ Вильгельма; слухъ этотъ опровергался, но затѣмъ всетаки послѣдовало сообщеніе въ нѣкоторыхъ газетахъ, что „курьеръ“ уѣхалъ. Въ продолженіе шумихи, поднятой первыми днями войны, можно было читать въ шведскомъ *Socialdemokraten* пролическое обращеніе къ правымъ: „вы-де не успѣли еще башмаковъ износить съ того времени, какъ вопіяли о „русской опасности“, а теперь вы чуть ли не готовы кричать о реваншѣ и мечтать о превращеніи Швеціи въ великую державу! стыдитесь!“ Если *Socialdemokraten* и превеличилъ что-нибудь въ полемическихъ цѣляхъ, то нельзя отрицать, однако, что въ нѣкоторой части шведскаго общества нападеніе Германіи на Россію (а о томъ, что это заранѣе обдуманное и рассчитанное на внутренніе безпорядки нападеніе, повидимому, не можетъ быть двухъ мнѣній) вызвало извѣстное злорадство. Боязнь Россіи, какъ ближайшей и опасной сосѣдки, раздуваемая агитаціей правыхъ, необходимо вызвала и недоброжелательство къ ней. Если Россія опасна для Швеціи, то ея неудачи могутъ лишь радовать, а въ началѣ войны, въ особенности еще до вмѣшательства Англіи, эти вѣроятныя неудачи усиленно размалевались германофильской прессой. Надобно тутъ же замѣтить, что германофильская пресса въ Швеціи сама по себѣ мало значить: она лишь относится слишкомъ *доверчиво* къ сообщеніямъ нѣмецкихъ агитаторовъ, организованныхъ теперь въ нейтральныхъ государствахъ очень искусно, наподобіе торговыхъ агентовъ-рекламистовъ. Почва для этой агентуры Вильгельмъ-Крупъ и К^о благопріятна по вышеуказаннымъ мотивамъ. Вотъ и все. Съ момента вмѣшательства Англіи атмосфера шведскихъ настроеній измѣнилась почти сразу. Если Германія пользуется внушительнымъ авторитетомъ въ Швеціи, какъ физическая сила, то авторитетъ моральный скорѣе—на сторонѣ Англіи: англо-саксонская гордая выправка вообще культурно ближе скандинавскимъ народамъ, чѣмъ прусское капральство. Вмѣшательство Англіи, отъ которой зависитъ торговая жизнь европейскаго сѣвера, учитывалось и практически: вѣдь теперь извѣстно, *post factum*, что значить для Германіи война съ Англіей,—она означаетъ развалъ торговли, и практичные шведы это поняли сразу. Мнѣ пришлось слышать, изъ заслуживающихъ довѣрія источниковъ, что шведскій посланникъ одной изъ крупныхъ державъ „облегченно вздохнулъ“, узнавъ о вмѣшательствѣ Англіи: „ну, теперь нашъ нейтралитетъ и его разумность пойметъ даже Свенъ Гединъ!“

Итакъ, мотивы моральнаго и практическаго характера смѣшались à la bonne heure, чтобы продиктовать Швеции позицію расчетливаго, обдуманнаго нейтралитета.

Вслѣдъ за этимъ можно отмѣтить лишь поѣздку въ Германію того же Свена Гедина, какъ фактъ, привлекшій нѣкоторое недоумѣвающее вниманіе. Что это значитъ? Выпадъ шведской дипломатіи или необдуманная безтактность зарвавшагося политическаго крикуна? Общественное мнѣніе Швеціи, повидимому, склонно къ этому послѣднему рѣшенію проблемы и весьма недоброжелательно взираетъ на демонстраціи „хорошаго географа“ и „плохого политика“. Нѣсколько времени тому назадъ депутатъ Брантингъ потребовалъ отъ министерства специальныхъ разъясненій о дипломатической роли пресловутаго Свена, и на это послѣдовалъ отвѣтъ, что миссія Свена Гедина въ Германіи имѣетъ совершенно приватный характеръ и ни къ чему не обязываетъ правительство.

Если еще присоединить сюда энергичный протестъ шведскаго посланника во Франціи противъ обвиненій по адресу Швеціи въ закулисномъ нарушеніи ея нейтралитета, то этимъ почти исчерпываются факты, устанавливающіе роль Швеціи въ европейскомъ конфликтѣ.

Если принять во вниманіе энергичную пропаганду, которую Германія развила въ Швеции съ начала войны, — пропаганду, не останавливающуюся ни передъ какими средствами для того, чтобы приобщить Швецію къ своимъ союзникамъ, то упорная самостоятельность послѣдней указываетъ на твердую рѣшимость отстоять нейтралитетъ во что бы то ни стало. Сколько было въ нѣмецкой печати ухищреній, чтобы поколебать эту рѣшимость, сколько пролито крокодиловыхъ слезъ надъ возможнымъ будущимъ Швеціи, если..., и все это понапрасну! Еще въ началѣ войны въ нѣмецкихъ газетахъ писалось: „Конечно, у насъ совершенно достаточно силъ для того, чтобы вести войну съ успѣхомъ, но мы не можемъ не привѣтствовать присоединенія къ намъ шведовъ, какъ моральный факторъ подъема и солидарности германскихъ народовъ!“ Панславизмъ противопоставлялся пангерманизму, какъ будто Германія воевала только съ славянами. На „подозрительныхъ“ въ области пангерманизма, какъ, напр., на Данію, Германія смотрѣла покровительственно, пощелкивая зубами: „мы не можемъ не оцѣнить *лояльнаго* отношенія датчанъ!“

Здѣсь будетъ кстати коснуться одного эпизода германской агитаціи въ Норвегіи. Если въ Швеции, особенно въ первыя недѣли войны, нѣмцамъ и удалось настроить печать благоприятно къ германскимъ „источникамъ“, то въ Норвегіи съ самаго начала газеты сохраняли полное безпристрастіе въ изображеніи фактовъ войны, охотно давая мѣсто английскимъ, французскимъ и русскимъ извѣстіямъ. Объясняется это не

тѣмъ, что агенты фирмы Круппъ и К° дѣйствовали тамъ менѣе энергично,—ничуть не бывало,—а тѣмъ, что въ Норвегіи германская агитація не нашла такой благопріятной почвы, какъ въ напуганной предпологаемымъ русскимъ нашествіемъ Швеціи. Мѣсяць тому назадъ одинъ изъ воинствующихъ „германцевъ“ не вытерпѣлъ и разразился откуда-то изъ Франкфурта негодующимъ письмомъ въ редакцію норвежской *Aftenbladet*. Несмотря на то, что письмо было написано по-нѣмецки, т.-е. на языкѣ, который понимаетъ только норвежская интеллигенція, и несмотря на его чрезвычайно грубый тонъ, письмо это было напечатано. Чтобы судить о его содержаніи и тонѣ, достаточно привести такое мѣсто: „пфуй, норвежцы! вы, которыхъ Германія освободила (!) отъ русскихъ, вы можете относиться недоброжелательно къ успѣхамъ нѣмецкаго оружія“ и т. д... Редакція газеты отвѣтила на это письмо спокойнымъ заявленіемъ о безпристрастномъ редактированіи „источниковъ“, а рядомъ съ этимъ письмомъ въ силу какой-то случайности былъ напечатанъ такой діалогъ-анекдотъ:

„— Нѣтъ, ты не можешь представить себѣ, какой идиотъ этотъ Карлъ! Я у него прошу взаймы всего нѣсколько кронъ, и онъ отказываетъ. Иду къ Іоганну,—то же самое. Скажи, пожалуйста, не одолжишь ли ты мнѣ 20 кронъ?“

„— Нѣтъ, извини, у меня дѣла обстоятъ такъ же!“

Нечего и говорить, какую огромную роль въ утратѣ Германіей моральнаго авторитета въ скандинавскихъ странахъ, какъ и вездѣ, сыграло беззастѣнчивое нарушеніе бельгійскаго нейтралитета. Оно сразу наложило на ихъ способы веденія войны отпечатокъ, котораго не оправдаешь никакими логическими и стратегическими соображеніями. „Нѣтъ, зачѣмъ намъ мѣшаться въ эту грязную исторію, — говорили скандинавы, — мы никого не трогаемъ, пусть и насъ не трогаютъ!“

Швеція, конечно, принадлежитъ рѣшающая роль на скандинавскомъ полуостровѣ, какъ наиболѣе крупному государству. Поэтому не лишне вернуться къ упомянутымъ выше тревогамъ и опасеніямъ по адресу Россіи,—тревогамъ, которыя съ нѣкотораго времени приняли затяжной характеръ, и посмотрѣть, какое значеніе онѣ могутъ имѣть въ дальнѣйшемъ.

Въ то время какъ Россія, соприкасаясь со странами всѣхъ частей свѣта, ставила себѣ задачи укрѣпленія то въ одномъ, то въ другомъ изъ этихъ направленій, Швеція, постепенно сдвинутая ходомъ исторіи къ теперешнимъ границамъ, заняла въ концѣ-концовъ чисто-оборонительную позицію, при чемъ ближайшимъ и опаснымъ сосѣдомъ, который прежде къ тому же расширялся за счетъ Швеціи, оставалась именно Россія. Историческія воспоминанія постоянно возвращаютъ шведовъ къ тому времени, которое вывело ихъ изъ положенія „великой державы“, и на

порогъ этихъ воспоминаній всегда предстоитъ Россіи, съ ея рѣшающей ролью въ паденіи могущества Швеціи. Немудрено, что путемъ аналогіи перспектива прошлаго переносится и въ будущее. Шведы, народъ, особенно устойчиво хранящій свои традиціи (въ этомъ они похожи на англичанъ), думая о Россіи, не могутъ выйти изъ заколдованнаго круга своихъ историческихъ воспоминаній, и въ ихъ представленіи завоевательная программа Россіи упорно мыслится въ угрожающихъ Швеціи формахъ. Извѣстно, что память о послѣднемъ русскомъ нашествіи въ Швецію такъ крѣпко живетъ въ народѣ, что и до сихъ поръ, желая напугать распалившагося ребенка, шведка-мать говоритъ ему: „gysse kommer!“ (русскій идетъ!). Факторъ коллективной психологіи, укоренившихся традицій играетъ немалую роль въ пропагандѣ недобвѣрія къ Россіи консервативными партіями. На этой подготовленной почвѣ заурядные факты „соглядатайства“, столь распространеннаго за послѣдніе годы во всѣхъ странахъ, принимаютъ чудовищно-угрожающіе размѣры: „смотрите, они все вывѣдываютъ, все знаютъ, готовы къ нападенію ежеминутно!“ Перехваченному письму какого-нибудь лица, стремящагося выслужиться, приписывается огромное государственное значеніе, а если къ тому же найдется „предатель“ еще изъ „своихъ“, то вотъ и готова атмосфера, въ которой, теряя здравый смыслъ, кричатъ: измѣна! спасайтесь! Въ такой атмосферѣ и проходили послѣднія избирательныя кампаніи, шествіе народа къ королю и т. под. Не слѣдуетъ, конечно, обобщать эти настроенія: такъ, социалистическая партія все время энергично боролась противъ искусственно раздуваемой паники въ Швеціи.

Изъ болѣе серьезныхъ аргументовъ, приводимыхъ сторонниками вооруженій въ Швеціи, указывается обыкновенно историческая необходимость для Россіи пробиться на Сѣверъ къ незамерзающей гавани и постройка стратегическихъ дорогъ въ Финляндіи. Но и тутъ одна изъ возможностей превращается почему-то въ фатальную необходимость; вѣдь есть и другіе пути для того, чтобы „пробиться“, если ужъ считать это безусловно необходимымъ и отвлечься отъ того обстоятельства, что Россіей недостаточно использованы даже и тѣ гавани, которыя она имѣетъ; съ другой стороны, постройка стратегическихъ дорогъ всегда идетъ тамъ, гдѣ ихъ еще нѣтъ, — въ этомъ логика современнаго государства, — и приурочивать ихъ только къ одной определенной цѣли — значить игнорировать разносторонность задачъ большой державы, представлять себѣ ея отношенія, какъ изолированно-агрессивныя, что при современной европейской конъюнктурѣ совершенно немыслимо.

Остается еще ссылка на реакціонный курсъ въ Россіи и на возможность неожиданности отъ такого большого государственнаго цѣлаго. Но реакціонная политика сама по себѣ не можетъ не быть явленіемъ

преходящимъ, и строить на русской реакціи свою политику, рассчитанную на „будущность нашихъ потомковъ“, какъ выражаются шведскіе консерваторы, значить раздѣлять грѣхи этого самаго „курса“, а что касается политики внезапностей, то теперешняя война показала воочию, что такая политика специально свойственна прусскому милитаризму.

Здѣсь не мѣсто, однако, обстоятельно разбирать эти сложные вопросы, тѣмъ болѣе, что ихъ напряженность и острота отодвинуты даже и для самой Швеціи зрѣлищемъ грандіозной битвы народовъ. Одно можно констатировать съ несомнѣнностью: крики „saveant consules!“; которые раздавались въ Россіи, со страницъ *Новаго Времени* и др. газетъ, по адресу Швеціи, приписываніе послѣдней какого-то макиавеллистскаго плана—провести подъ флагомъ „обороны“ нападеніе на Россію, все это оказалось пустымъ вздоромъ. А то трогательное гостепрѣимство, которое встрѣтили въ Швеціи безчисленные русскіе бѣглецы изъ Германіи, да послужить залогомъ дальнѣйшаго сближенія Россіи съ „французами Сѣвера“, уже начатаго съ легкой руки президента Пуанкаре, какъ разъ наканунѣ европейской катастрофы.

А. Мірской.